

В Библиотеку
Пушкинского Дома

с благодарностью

С.А.Б.

05.03.01

Кузнецова

Кузнецова
Кузнецова

Издательство
«Алетейя»
Санкт-Петербург
2001

2001к
36

Русский модернизм

проблемы текстологии

Сборник статей

Ответственный редактор
О. А. Кузнецова

Издательство
«Алетейя»
Санкт-Петербург
2001

ББК П5(2=Р)53-328.8

УДК 7.036

Р 89

Р 89 Русский модернизм. Проблемы текстологии: Сборник статей. — СПб.: Алетейя, 2001. — 310 с.

ISBN 5-89329-344-4

В настоящем издании собраны статьи, посвященные проблемам текстологии русских писателей начала XX века: А. А. Блока, Л. Н. Андреева, Вяч. Иванова, Андрея Белого, Ф. Сологуба, И. Ф. Анненского, М. Кузмина и А. М. Ремизова. Коллективом авторов предпринята попытка решить в проекции на литературу модернистского круга традиционные текстологические проблемы и заявить новые для данной области аспекты исследования. Собранные в том же статье затрагивают как теоретические проблемы текстологии, так и эдичионную практику применительно к лирике, драматургии и прозе писателей «серебряного века».

*Издание осуществлено при финансовой поддержке
Российского Гуманитарного Научного Фонда (РГНФ),
проект № 98-04-16130*

382026

ISBN 5-89329-344-4

9785893293449

© Издательство «Алетейя» (СПб), 2001 г.
© Коллектив авторов, 2001 г.

От редакции

В сборнике представлены статьи, ориентированные на изучение проблем русского модернизма в текстологическом аспекте. Литература «серебряного века» занимает промежуточное положение между классическим наследием XIX в. и последующими авангардистскими устремлениями XX в. Однако конкретные разыскания, на основании которых были выработаны базовые позиции текстологических исследований и сформулированы теоретические установки, производились преимущественно на материале литературы прошлого столетия. Этому в немалой степени способствовала практика академических изданий собраний сочинений авторов XIX в.

Основной тенденцией в работе русских классиков над произведением являлось, как правило, стремление к усовершенствованию текста, неуклонно проводившееся от редакции к редакции, от варианта к варианту. Таким образом, категория «основного текста» или же «последней авторской воли» применительно к данной эпохе может рассматриваться в определенном смысле и как эталон: «самый совершенный», «образцовый» вариант текста.

Позиция писателей по отношению к собственному творчеству претерпевает резкое изменение в последующий период. Понятие «литературного текста» у символистов, с одной стороны, предельно расширяется и идентифицируется теперь не только с отдельно взятым произведением, но и с творчеством в целом, включая автобиографические материалы (дневники, записные книжки, письма) и даже биографические сюжеты. С другой стороны, имеет место и определенный процесс «отчуждения» текста: самими творцами он зачастую подается и воспринимается как лишенный авторских интенций: сакральный, магический, продукт теургического «делания» или же фиксация медиумического состояния. В эдичионной практике писатель-модернист также не ограничивается лишь творческой деятельностью и зачастую берет на себя и другие издательские обязанности: снабжает текст более ранними вариантами и автокомментариями, заставляет «прочитать» стихи как «дневник» или «роман».

Новая трансформация категории текста произошла в авангардистской культуре. В ряде случаев содержание оказалось настолько жестко привязанным к конкретному типографскому виду, будь то авторское письмо или же особенности шрифта и графического размещения на странице, что никакое «критическое» вмешательство становится невозможным, а задача текстолога-исследователя сводится лишь к факсимильному воспроизведению.

чужое».¹ В приведенном выше тексте обе его составляющих не цитируются в кавычках, но «переписываются», если не заново, то с намерением создать некий отличный от опубликованных компонентов вариант, Иванов именно «восстанавливает лирическое стихотворение». Кроме подтверждения высокой значимости для поэта обоих текстов это может означать и актуальность проблемы, которой посвящена пятая главка.²

К теме самоубийства Иванов, помимо ответа на анкету, обращался еще в двух статьях. Первый раз в 1906 г. в статье «О неприятии мира» самоубийство осуждено как форма «бунта уединившейся личной воли, который извращается в отрицании самого принципа внутреннего действия» (III, 84). Гораздо более концептуально самоубийству, точнее, именно эпидемии самоубийств 1910-х годов, дана оценка в статье «Кручи. О кризисе гуманизма. К морфологии современной культуры и психологии современности» (1919). Тяготение к самоубийству рассматривается здесь как проявление «растерянности и уныния» от начавшегося тогда «кризиса явления».³ Люди 1910-х годов, по Иванову, «подходили к вещам с былым доверчивым ожиданием; но вещи уже не давали им того, что люди испокон века привыкли собирать с них, как постоянную дань...» (III, 369). Это есть причина как «психологического излома», так и в конечном счете войны и революции. При этом переживание этого «излома» описывается Ивановым совершенно в той же образности, что и в ответе 1912 года («почва поплыла у них из-под ног», «общий сдвиг <...> отношений внутреннего порядка», «вихри»). Таким образом, проблематика самоубийства в ее общественном повороте стала по-новому актуальна для Иванова в послеоктябрьский период. Возвращение к своему старому тексту на эту тему и вместе с ним к текстам, написанным на одном дыхании и хронологически близким («Манера...», 1912 и «Орфей», 1911), выглядит вполне логичным. Все это дает возможность предположительно отнести рождение приведенного нами текста именно к эпохе послереволюционных издательских замыслов Иванова, возможно, для предполагавшегося в 1919 году трехтомного собрания его статей.⁴

¹ Переписка В. И. Иванова с С. К. Маковским / Подгот. текста Н. А. Богомолова и С. С. Грецишкина, вступит. статья Н. А. Богомолова, коммент. Н. А. Богомолова и О. А. Кузнецовой // Новое литературное обозрение. 1994. № 10. С. 147 (Историко-литературная серия. Вып. 1: Вячеслав Иванов. Материалы и публикации).

² Эта проблема осталась актуальной и позже, например для Н. Бердяева, см. его брошюру: *Бердяев Н. О самоубийстве: Психологический этюд*. Paris, 1931. По крайней мере два положения Бердяева весьма близки взгляду Иванова: «Человек должен любить себя, как Божие творение» и «Христианство есть самая мужественная религия» (С. 25, 29).

³ Видимо, выражение «кризис явления» может рассматриваться как реперент к названиям брошюр Андрея Белого (На перевале. 1. Кризис мысли. Пг., 1918; На перевале. 2. Кризис культуры. Пг., 1918).

⁴ Проспект его см. в кн.: *Иванов В. И. Избранные статьи* / Составл. Н. Котрелева, подгот. текста А. Доброхотова, коммент. Г. Обатнина и А. Соболева (в печати).

С. Н. Доценко

О символическом подтексте даты написания

«Слова о гибели русской земли»

А. М. Ремизова

Есть в именах тайна <...> Именуют человека неспроста, все равно по календарю или по пристрастию: в имени знак его сил и судьба.

А. Ремизов

Точная датировка собственных произведений (вплоть до указания не только года, но и дня месяца) — характерная черта творчества Ремизова 1917–1921 гг., тем более приметная на фоне не столь точной датировки произведений более раннего периода. Объясняется это осознанием себя летописцем событий революции и гражданской войны: наиболее адекватным жанром для Ремизова становится «летописная повесть», «временник» — именно так он определил жанровую природу своей автобиографической книги «Взвихренная Русь».

«Слово о гибели русской земли», первоначально печатавшееся как самостоятельное произведение, также имело точную дату написания, обозначенную автором: 5.Х.1917 г. После включения «Слова» в состав книги «Взвихренная Русь» и дата, и заглавие были опущены. На первый взгляд, дата самая обыкновенная, ничем не примечательная, просто фиксирующая день работы над рукописью «Слова». К этому выводу, хотя и с некоторой осторожностью, приходит А. Грачева во вступительной заметке к публикации дневника А. Ремизова за 1917–1921 гг.¹ Не исключая такого вполне тривиального статуса даты 5.Х.1917 г., рискнем предположить, что у нее есть определенный символический подтекст. Предварительно заметим, что в сознании Ремизова можно

¹ Ремизов А. Дневник 1917–1921 / Подг. текста А. М. Грачевой, Е. Д. Резникова. Вступ. заметка и коммент. А. М. Грачевой // *Минувшее: Исторический альманах*. М.; СПб., 1994. Вып. 16. С. 410.

обнаружить особую отмеченность некоторых дат и событий, с ними связанных, которым писатель придавал символический смысл. К таковым относится дата рождения Ремизова (24.VI.1877 г., в Купальскую ночь), дата первой публикации — начала литературной карьеры (8.IX.1902 г. в газете «Курьер» был напечатан «Плач девушки перед замужеством»), дата смерти А. Блока (7.VIII.1921 г.), ассоциировавшаяся для Ремизова с началом эмиграции (в этот день Ремизовы пересекли границу России и Эстонии), и ряд других. Обычно эти даты обозначают ключевые, поворотные события в жизни писателя. Дата 5 октября также отмечена в сознании Ремизова, ибо это — день его именин. По признанию самого Ремизова, назван он был Алексеем в память московского митрополита Алексия (1300–1378), праздновавшегося 5 октября вместе с другими московскими святыми Петром, Филиппом и Ионой: «А именины мои 5 октября в день празднования московских митрополитов: Петра, Алексея, Ионы и Филиппа» (автобиографическое письмо А. Ремизова А. Н. Чеботаревской от 23.V.1907 г.).¹ Об этом же вспоминает и Н. Кодрянская:

«Алексей Михайлович родился в Москве 24 июня 1877 года и получил имя московского митрополита Алексея. Петр, Алексей, Иона и Филипп — живые кремлевские камни, московские чудотворцы, основатели Московского государства». ² День памяти своего тезки Ремизов не забывал — в письме Л. Шестову от 25.X.1922 г. он шутливо обыгрывает сдвиг в церковном календаре, происшедший в связи с переходом на новый стиль: «... Посмотрел в Святцы, а именины мои по новому стилю на ЛУКУ Евангелиста, стало быть, хочешь не хочешь, а Лукой сделался». ³ А в дневнике от 18.X.1956 г. (5.X. по старому стилю) записывает: «Сегодня московский праздник Петра, Алексея, Ионы, Филиппа. Мои “не именины”, или, как говорили, не считаются. Я попал в именинную середку». ⁴

В годы революции и гражданской войны (их Ремизов воспринимает как повторение «Смутного времени») имена московских святых становятся для него символами святости, народной веры, самой русской истории — это те «неугасимые огни», которые должны вывести погибающую Россию из тьмы пропада. Таков смысл главы «Неугасимые огни», заключающей книгу «Взвихренная Русь». Поминая знаменитых московских святых, Ремизов именно в них видит последнюю надежду на спасение России. Еще более явно эта мысль выражена в «Заповедном слове русскому народу» (1918):

¹ Лица: Биограф. альманах. З. М.; СПб., 1993. С. 446.

² Кодрянская Н. Алексей Ремизов. Париж, 1959. С. 65.

³ Переписка Л. И. Шестова с А. М. Ремизовым // Русская литература. 1993. № 1. С. 179.

⁴ Кодрянская Н. Алексей Ремизов. С. 295. Правда, в автобиографии 1923 г. Ремизов свое имя соотносит с образом другого святого, Алексея человека Божьего (день памяти — 17 марта по ст. стилю), для объяснения своей «страннической» судьбы (см.: Алексей Ремизов о себе // Россия. 1923. № 6. С. 26).

«О, святые чудотворцы угодники, великие русские святители, заступники за землю русскую —

Сергие Радонежский!

Петр, Алексей, Иона и Филипп!

Василий блаженный, Прокопий праведный, Нил преподобный Сорский!

Савватий и Зосима соловецкие!

— в зеленые пустыни ушли вы, молясь за весь мир, за грешную Русь, вы хранили ее, грешную, и в беде и под игом и в смугу, вы святили ей, убогой, сквозь темь звездами!»¹

В «Слове о погибели русской земли» русские святые не названы по имени, но именно о них идет речь в риторическом вопросе: «Или в мать-пустыню, покорясь судьбе, ушли твои верные сыны?»²

Список святых у Ремизова сугубо «московский», но не столько в географическом смысле, сколько в культурно-историческом: это святые эпохи Московской Руси, сыгравшие важную роль в церковной и политической истории Московского государства XIV–XVI вв. Нет в этом списке русских святых, чтимых еще в домосковский период (Бориса и Глеба, Феодосия Печерского, Александра Невского и др.), нет и столь почитавшихся на Руси св. Георгия и св. Николая.³ Зато поминаются «Христа ради» юродивые, о которых Ремизов скажет: «Это наше — русское — эти выродки человеческого рода — юродивые <...> с такими не запустеет земля и Москва стоит <...>». ⁴ И это тоже не случайно — в истории русской святости расцвет юродства приходится на XV — первую половину XVII вв.⁵

Описывая гибель русской земли, оплакивая «краснозвонную, отошедшую в вечность» Россию, Ремизов пытается найти причину того, что в «сердцевине подточилась Русь» (с. 13). Главная причина, по его мнению, — в утрате исторической памяти, в забвении народной веры. 4.III.1917 г. он записывает в дневнике: «Вся ночь прошла в думе о судьбе России. Атеистично-безбожно». ⁶ А в «Слове» эта же мысль изложена

¹ Ремизов А. Заповедное слово русскому народу // Раннее утро. 1918. 16 апр. № 65. См. также другие публикации: Воля народа. 1918. № 1. С. 17–19; Почта вечерняя. 1918. 17 мая. № 14.

² Ремизов А. Огненная Россия. Ревель: Библиофил, 1921. С. 11. В дальнейшем ссылки на «Слово» даются по этому изданию в тексте статьи (с указанием страницы).

³ О почитании на Руси св. Николая «как русского народного бога», «чудотворца и заступника за русскую землю» Ремизов прекрасно знал, так как еще до революции создал цикл легенд о нем (см.: Ремизов А. Николины притчи. Пг., 1917). Отсутствие св. Николая (как и св. Георгия, покровителя Москвы) в числе святых, упомянутых в «Заповедном слове», связано, по видимому, с тем, что они не исконно русские святые, а заимствованные.

⁴ Ремизов А. Иверень: Загогулины моей памяти. Berkeley, 1986. С. 221.

⁵ См.: Лихачев Д. С., Панченко А. М. «Смеховой мир» Древней Руси. Л. 1976. С. 93.

⁶ Ремизов А. Дневник 1917–1921. С. 421.

более пространно: «Человекоборцы безбожные, на земле мечтающие создать рай земной, <...> вожди народные, только счастья ему желавшие, вы, делая дело свое, сея вражду, вы по кусочкам вырывали веру, не заметили, что с верою гибла сама русская жизнь» (с. 12–13). Залогом будущего воскресения России Ремизову видится п а м я т ь о тех русских святых, кои были ее хранителями и спасителями в эпохи исторических потрясений и катастроф.

Не случайно в книге «Взвихренная Русь» темы и образы «Слова о погибели русской земли» непосредственно связаны с посещением Ремизовым московских святынь и исторических реликвий — Кремля как средоточия исторической и культурной памяти. Пребывание в Москве с 15 по 31 июля 1917 г. перестает быть фактом только биографическим, сугубо житейским, — в книге «Взвихренная Русь» это событие исполнено глубокого символического смысла. В дневниковой записи от 21–22.VII.1917 г. кратко сообщается: «Был на всенощной в Успенском соборе <...>».¹ Во «Взвихренной Руси» (гл. «Москва») посещение Успенского собора, главного храма Московского государства, приобретает смысл хождения ко святым местам, приобщения к древней истории Москвы и русского государства:

«В Успенском соборе служба началась. На стихирах пели “знаменитый” догматик — из веков повеяло: какой строй и строгость! Потом Лития. Я ее особенно ждал. Столповое пение басами. Это уже до жути вековое, точно все поднялись — и Петр и Алексей и Иона и Филипп — и вот тянут с соборянами на басах в унисон <...>».²

По окончании всенощной Ремизов «вдруг <...> понял, что все это — прошло — эта Россия...»³ После этих слов следует текст «Слова о погибели русской земли» (без заглавия). Сам Ремизов позднее указал на время и место, вдохновившие его на создание «Слова»:

«Я в те дни писал мое прощальное слово о Московской Руси: “Вечная память!” Это слово прозвучало во мне в Кремле после всенощной в Успенском соборе, под красный звон Ивана Великого (“Взвихренная Русь”)⁴ В таком контексте отчетливо проявляется и ритуальная функция «Слова» как поминальной молитвы: «отошедшую в вечность» (т. е.

¹ Ремизов А. Дневник 1917–1921. С. 456.

² Ремизов А. Взвихренная Русь. М., 1991. С. 317. Образы московских святителей как символ крепости России Ремизов вспоминает и позднее: «Москва крепка чудотворцами: на четырех столпах стоит Московский Кремль — Петр—Алексей—Иона и Филипп» (Ремизов А. Иверень... С. 221); «... И особенно трепетно такие близкие, родные Москве — Петр, Алексей, Иона и Филипп (их мощи покоятся в Кремле)...» (Ремизов А. Подстриженными глазами: Книга узлов и закрут памяти. Париж, 1951. С. 279); «В левом приделе, — так вдруг блеснуло мне, — в уголку у окна лежит Петр, митрополит, там и есть сердце России; и всегда огонек; разве есть в мире такая сила, чтобы погасить этот огонь?» (Ремизов А. Пляшущий демон <1949> // Ремизов А. Огонь вещей. М., 1989. С. 281).

³ Ремизов А. Взвихренная Русь. С. 318.

⁴ Кодрянская Н. Алексей Ремизов. С. 103.

«усопшую») Русь необходимо отпеть (ср. в финале «Слова» мотив «прощального, поминального пирога», «который когда-то испекла покойница Русь» (с. 24)). Знаменательно и то, что заключительным словом в «Слове о погибели русской земли» оказывается именно слово «память» как часть литургической формулы («В-е-е-ч-н-а-я п-а-а-м-я-т-ь»).

Посещение Москвы, ее символических locus'ов — Таганки, Замоскворечья, а особенно Кремля с его соборами и монастырями — это для Ремизова возвращение в прошлое, возвращение к своим историческим корням, т. е. восстановление исторической памяти. «Свое» в данном случае имеет 2 аспекта. Во-первых, это аспект национально-исторический, так как Ремизов осознает себя частью национально-исторической общности — России как народа и государства. Тема единства, неразрывности своей личной судьбы и исторической судьбы России нашла отражение в дневниковой записи от 3.IX.1917 г., вскоре после возвращения из Москвы:

«Теперь стало ясно: Россия погибнет. Она должна искупить грехи свои. И я готов принять эту кару со всем народом русским».¹

Но эта же тема — одна из главных в «Слове»: «Но теперь — нет, я не оставляю тебя и в грехе твоём, и в беде твоей <...> Как же мне покинуть тебя? <...> Ты и поверженная, искупающая грех свой, навсегда со мной останешься в моем сердце. <...> Согрут имя твое, сгинешь, и стояла ты или не было, кто вспомнит? Я душу сохраню мою русскую с верой в правду твою страдную, сокрою в сердце своем, сокрою память о тебе <...>» (с. 15–17). Во-вторых, это аспект автобиографический, так как Москва с ее историческими памятниками — часть личной памяти, личной судьбы Ремизова. Лейтмотивом ремизовской автобиографической прозы становится мотив московского происхождения Ремизова, биографической связи с Москвой и ее символическими топосами, в которых запечатлелась память об историческом прошлом России.

«Родился я в сердце Москвы, в Замоскворечье у Каменного “Каинова” моста, и первое, что я увидел, лунные кремлевские башни, а красный звон Ивановской колокольни — первый оклик, на который я встретился».² «Я счастлив, что родился русским на просторной <...> русской земле Льва Толстого и Достоевского, в ее сердце — Москве с освященным в веках Кремлем, “красным звоном”, напевной московской речью <...>».³ «Москва моя колыбель. Москва — училище, университет. И от заставы до заставы, нет улицы нехоженой. Москва — театры, кладбище, Кремль, Успенский собор».⁴ «Природы каменной, колыбель моя — кремлевские стены, вся Москва <...>»⁵ Возвращение Ремизова в Москву — это и возвращение в собственное прошлое — свое детство. Именно поэтому в описании кремлевских достопримечательностей, которое мы находим в гл. «Неугасимые огни» книги «Взвихренная

¹ Ремизов А. Дневник 1917–1921. С. 461.

² Ремизов А. Подстриженными глазами... С. 6.

³ Там же. С. 27.

⁴ Ремизов А. Иверень: Загогулины моей памяти. С. 224.

⁵ Ремизов А. Встречи: Петербургский буерак. Paris, 1981. С. 87–88.

Русь», особенно звучит мотив личной памяти: Ремизов смотрит на церковные и исторические памятники не столько теперешними глазами взрослого человека, сколько глазами ребенка — себя в детстве (с характерными детскими оборотами речи, призванными воспроизвести именно детский взгляд):

«Живо встает старая память — ночные успенские крестные хода. <...> Веки у меня тяжелые — вся вторая неделя Госпожинок крестный ход, ночь не спишь; глаза вспугнуты — августовский утренник, колотит дрожь; трепетно смотрю, как в первый раз <...> А бывало, когда сил уж нет выстоять до конца службу или просто не хочется, станешь в вереницу, обойдешь мощи, приложишься к Влахернской “теплой ручке” (а и вправду, теплая, как живая!), выйдешь на соборную площадь <...> и пойдешь по соборам. Благовещенский любимый (псковские мастера строили): заглянешь на кита, как проглатывает кит Иону, все нарисовано, переделуешь все частицы-косточки (без передышки, на перегонку), поскользишь по камушкам — такой пол из красного камня, скользее льда, — и в Архангельский».¹

В кремлевских исторических реликвиях для Ремизова соединяется память и национально-историческая, и автобиографическая. А память о своем московском детстве призвана еще сильнее подчеркнуть и закрепить кровное, «почвенное» родство Ремизова с символами русской истории и русской культуры. Поэтому и дата 5 октября, имеющая прежде всего смысл автобиографический, сугубо личный, для Ремизова в то же время приобретает статус даты исторической, знаменующей единство прошлого и настоящего, личной судьбы писателя и исторической судьбы России.

5.X–18.X 1994 г.

Р. Е. Помирчий

Дочери

«... мы сдѣ...»

(Анекдот, рассказанный текстологом)

...Именно после символистов и во многом благодаря их интерпретациям классики стало окончательно ясно, что русская литература XIX века актуальна и насущно необходима — навсегда. На рубеже веков символисты осознали себя законными наследниками огромного духовного богатства, не востребованного обществом, которое полузабыло Фета, Надсона предпочитало Некрасову, Потапенко считало первейшим беллетристом, обществом, для которого, по свидетельству Блока, Лермонтов был «только крутящим усы армейским слагателем страстных романсов».¹ Какие пошлости это общество «нахрюкивало» в семье и школе своим детям о Пушкине, известно из статьи того же Блока «Интеллигенция и революция».² В противовес таким тенденциям символисты проявили «фронтальный интерес <...> ко многим неосвоенным в русском литературном обиходе явлениям мировой культуры», провели грандиозную работу «по извлечению нужных им и близких по духу культурных пластов», «стремились опереться на классику, по-своему понятую и переосмысленную»,³ в разработке широких жизнестроительных концепций. Пролагателем путей явился Мережковский.

В 1901–1902 годах вышло в свет первое отдельное издание двухтомного исследования Мережковского «Л. Толстой и Достоевский», которое, по мнению современного автора, представляло собой «переломный момент в развитии русской литературной критики».⁴ Добавим, что присутствие этой книги ощущалось в отечественном литературоведении и в те годы, когда ссылка на Мережковского была невозможна.

¹ Блок А. Педант о поэте // Собр. соч.: В 8 т. М.; Л., 1962. Т. 5. С. 25.

² Блок А. Указ. изд. Т. 6. С. 17.

³ Максимов Д. Критическая проза Блока // Поэзия и проза Ал. Блока. Л., 1981. С. 192, 194.

⁴ Поварцов С. Н. От составителя // Мережковский Д. Акрополь: Избранные литературно-критические статьи. М., 1991. С. 5.

¹ Ремизов А. Взвихренная Русь. С. 530–531.